

Философия экономики

С.Е. Ячин

(Материал к лекции)

Смысл экономического измерения человеческой жизнедеятельности	1
Экономическая рациональность. Результативность vs стремления к прибыли	7
Распределения блага как проблема собственности.....	8
Обмен и распределение благ	9
Проблема делимости блага	10
Труд и Стоимость	11
Понятие труда	12
А) Труд и жизнедеятельность	14
Б) Труд и время.....	16
В) Труд и стоимость	17
Г) Труд и игра	19
Разделение труда	19
Обмен и его исторические формы	21
Стоимость и цена: двойственная природа пропорций обмена.....	24

Смысл экономического измерения человеческой жизнедеятельности

Философия предлагает смотреть на вещи, ситуации и события с точки зрения специфической природы человека, с позиции *места человека в Мире*. Это *Место* определяется тем, что человек, в отличие от животного, является существом разумным (или может в принципе поступать разумно). Соответственно, любую форму человеческого поведения, с философской точки зрения, мы должны рассмотреть как разумную, т.е. как мотивированную стремлением к «высшим целям человеческого разума» (Кант). Одной из этих целей является *Благо*. Человеческий мотив стремления к *Благу* следует отличать от мотива *полезности*, который доступен и животным (и человеку – поскольку он остается животным). Сущностное отличие *Блага* от полезности состоит в том, что оно разумно понимается как стремление к *Общему* <справедливому!> Благу, в то время как полезность всегда ориентирована на частный (групповой) интерес. Идея *Общего Блага* определяет собственно экономический взгляд на любой продукт человеческой деятельности как результат совместной деятельности, иначе говоря – результат *общественного разделения труда*. Продукт труда является *Общим благом* потому, что он есть результат совместных усилий (разделения труда) и, следовательно, требует решения вопроса, каким образом этот продукт должен быть распределен среди участников

совместной деятельности, какое распределение будет считаться для данного общества справедливым¹. Этот вопрос возникает при любом, даже самом примитивном устройстве общества, но научно – он начинается только после того, как общественное разделение труда приобретает сущностно дифференцированный характер. А это происходит довольно поздно: в условиях рыночной (капиталистической) экономики. Именно в этих условиях необходимый для любого общества процесс распределения благ предстает в форме *обмена*. Будем считать, что обмен это собственно экономическая форма (способ) распределения.

Примечание. Не всякое распределение в этом смысле является экономическим. Например, разбой (как в ситуации «Родин Гуда») – можно считать формой перераспределения, но едва ли её можно считать экономической. Или семейный обед – распределение еды здесь носит внеэкономический характер.

Совсем не случайно, что экономическая наука возникла в контексте этической проблематики. Именно у А.Смита экономические (рыночные) отношения впервые представлены в виде системы, устанавливающей универсальный принцип обоснования справедливости. Его «Теория нравственных чувств» показывает, как этическая природа человека, (присущее человеку чувство симпатии) обосновывает экономический порядок. Только потом у Дж.С. Милля экономическая мысль становится на позицию «методологического индивидуализма», а полезность рассматривается как общий принцип экономических решений.

Как отмечает Чарльз Райт Миллс (C. Wright Mills) во ввводной статье к книге Веблена, последний посвятил всю свою жизнь прояснению различия между “стремлением честного инженера к эффективности” и “фанатической страстью бизнесмена к прибыли” (id., p. X—XI).

Дж. Г. Мид в работе “Сознание, самость и общество” обращается к понятиям симпатии и наблюдателя, которые, являются ключевыми для рыночной формы согласия. “Если индивид приходит к самосознанию и самоосмыслению, отождествляя себя с другими людьми, то можно сказать, что в экономическом процессе индивид отождествляет себя с потенциальными клиентами, с которыми он находится в отношениях обмена [выступая в роли “представителя”, как добавит Мид несколько позже], и старается постоянно установить с ними способы общения, которые были бы наиболее благоприятными для экономического процесса” (id., p. 252). “Идеальное общество — это то общество, в котором люди настолько близки друг к другу и в котором необходимая система общения развита настолько полно, что все индивиды, выполняющие свои частные задачи, могут поставить себя на место тех людей, на кого они оказывают влияние” (id., p. 275).²

Э.Дюркгейм в классической для социологической теории работе «Об общественном разделении труда» даже устанавливает обратную зависимость между этикой и разделением труда. Он утверждает, что именно общественное разделение труда формирует этическую позицию

¹ См., Болтански, Л., Тевено, Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 576 с.

² Цит. соч.

«органической солидарности» между членами сообщества. Люди «вынуждены» быть моральными, поскольку понимают зависимость друг от друга в совместной деятельности.

Почему началом экономической мысли (науки) является этика? Потому, что основным вопросом этики является обоснование условий достижения общего блага. Экономика - не этика, но она призвана определить условия одного из существенных состояний общего блага, которое можно обозначить как *благо-состояние*. Теоретически задача *оптимума благосостояния* (при данном уровне развития производительных сил общества) выглядит как проблема *распределения благ*.

Основной недостаток экономической науки (в её мейнстриме), который фактически завел предлагаемые ею решения в методологический тупик, состоит в подмене великой идеи Блага – мотивом полезности (максимизации полезности – как официальной доктрине экономической науки).

Когда К.Маркс (решая ту же задачу, что и А.Смит) установил, что основным противоречием капиталистической экономической формации является противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, то исходил из той же этической позиции социальной справедливости. Он полагал, как впоследствии и все коммунисты, что распределение блага должно соответствовать вкладу каждого в создание общего Блага. (Принцип: «От каждого по способностям, каждому по труду»). Но по ряду причин – решение оказалось утопичным.

Примем, что для экономической науки вопрос распределения благ является центральным. Именно с этой центральной точки зрения она смотрит на сам технологический процесс производства и именно в этом контексте возникает вопрос учета произведенных благ (бухгалтерия) и именно поэтому для экономической науки столь важной является финансовая сторона дела. Сам по себе процесс производства относится к области инженерии – для экономической науки это процесс значим постольку, поскольку он предполагает обмен результатами непосредственной деятельности, т.е. распределение. При таком взгляде на производственный процесс принципиально важным становится механизм учета. Таким механизмом является финансовая система, т.е. деньги и их обращение. Для сколько-нибудь дифференцированной системы разделения труда *вопрос распределения не может быть технически решен* без всеобщего эквивалента, которым является денежный знак. Это определяет и несколько оправдывает господствующую позицию финансовой системы в современной экономике. Определяет – совершенно технически. Однако эта техническая (внешняя) сторона дела заслоняет суть центральной экономической проблемы: какое распределение благ при

данном уровне развития производительных сил (разделения труда) будет ему соответствовать. Заметим, что только будучи справедливым, такое распределение может стать *эффективным*, т.е. не препятствующим развитию производительных сил общества.

Можно предложить полный список всех возможных «чистых типов» распределения. Технически и практически все они имеют место в том или ином масштабе при любой системе общественного разделения труда. Некоторые из них – способны дорасти до всеобщего масштаба. Проблема других – они не могут работать в больших масштабах. Итак.

(1) Патриархально-традиционный – распределение по месту в семейно-родовом укладе, в значительной степени ориентированное на принцип «антропологической заботы».

(2) Рабовладельческий – по остаточному (минимизирующему) принципу, в зависимости от полезности – вещи-раба.

(3) Феодальный - по месту в иерархии властных отношений,

(4) Капиталистический – по праву собственности на средства производства,

(5) Социалистический – по трудовому участию,

(6) Коммунистический – по потребностям,

(7) Коммунитаристский – по вкладу в общий эффект кооперации.

Почему важен *масштаб* применения принципа распределения? В своё время Ленин подметил, что должный учет и контроль – необходимое условие социалистического хозяйства (и на этой идее была построена затем вся теория *научного коммунизма*). Но когда механизм учета и контроля выходит за пределы непосредственного трудового коллектива (где он вполне органичен), когда он становится тотальным, то создает такой чиновничий аппарат учета и контроля, что условия воспроизводства самого аппарата, становятся препятствием для развития того, что чиновники этого аппарата учитывают и контролируют. (Как заметил Маркс: «Государство – становится частной собственностью бюрократии»). Именно потому социализм (если под ним понимать систему, где существует юридический запрет на частную собственность) оказывается радикально неэффективным способом производства. Основные усилия эта система направляет не на развитие, но на воспроизводство установленного системного порядка, на воспроизводство аппарата³. (Эта система показала свою неэффективность именно с точки зрения ведущего марксистского критерия, что та формация является более прогрессивной, которая обеспечивает лучшие условия развития производительных сил). Теория самореферентных (авторейтических) систем Н.Лумана⁴ даёт хорошее

³ В этой связи см. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // *Неприкосновенный запас*. – 2011 -№3 (77)

⁴ См., Луман Н. (1984) . Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. Луман Н. (1997). Самоописания. М.: Логос, Гнозис, 2009.

объяснение одному из существенных пороков (рисков) воспроизводства социальных систем, когда орган, предназначенный для выполнения полезной функции, направляет усилия на собственное воспроизводство в ущерб воспроизводству целого. (Все могут думать, что средства массовой информации существуют чтобы информировать, тогда как на самом деле они ориентированы прежде всего на «собственное значение функции» - привлекать к себе наибольшее внимание аудитории всякого рода «сенсациями», повышением собственного рейтинга и пр.)⁵.

То же самое можно сказать и относительно других способов распределения. Даже в масштабе семейного хозяйства можно обнаружить рудименты всех указанных типов, включая рабовладельческий, феодальный и проч. Другое дело, что социальная система любого масштаба - один из них всегда делает рамочным. Здесь и оказывается, что ориентация производства на спрос, т.е. рыночная система – создает такую систему распределения, которая будет наиболее органичной для обществ государственного и большего масштаба.

Но обратим внимание на тривиальный факт современной экономики. Сегодня наибольшая прибыль (норма прибыли) возникает не в процессе производства, но в процессе денежного обращения (на финансовых рынках). Основная масса денег (финансового капитала) направляется и обслуживает не производственный капитал, но занимается самообслуживанием, получая прибыль из собственного обращения. (Таков эффект самореферентной системы!). Как бы к этому не относился, во всех случаях понятно, что если бы те же финансовые ресурсы направлялись в производство (но увы, там норма прибыли меньше!), то это бы привело к значительно большему росту производительных сил общества. Этот факт доказывает, что характер такого распределения и присвоения благ, действительно является тормозом для развития производительных сил. (Что Маркс и доказывал).

Это соображение может показаться странным в свете того, что современная экономика является инновационной, т.е. вся ориентирована на интенсивное развитие и фактически осуществляет его. Здесь следует иметь в виду, что в состав производительных сил общества входит три базовых элемента: предмет, средство и субъект. И следует посмотреть, как господство финансового капитала влияет на ведущий элемент современных производительных сил, коим сегодня считается человеческий потенциал (человеческий капитал). Коротко говоря – не лучшим образом.

Выделим главную болезненную проблему, с которой сталкивается современная экономика – проблему, целиком связанную с господством

Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006 (Ориг.изд.1997)

⁵ См., Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005.

финансового капитала. Это рост неравенства между людьми, странами и регионами. И не просто неравенства, но напряжения и конфликта между ними.

В ставшей широко известной, и не только в экономических кругах, работе Т.Пикетти «Капитал в XXI веке» статистически показано и математически доказано как и почему, в силу каких механизмов, происходит рост неравенства в распределении общественных благ, почему богатые становятся богаче, а бедные беднее.

В своей книге **Томас Пикетти** акцентирует внимание на том, чему Карл Маркс, в свое время, не придавал особого значения. Опираясь на статистику, Т.Пикетти показывает, что механизмы рыночной экономики ведут к росту неравенства и тем самым размывают фундамент, на котором стоят демократические общества. Он утверждает, что лишь уникальное стечение обстоятельств в 1930-75 годах позволило капитализму, в основе которого лежит неравенство доходов, создать «общество сравнительного благоденствия» в развитых странах. В первую очередь это две мировые войны, Великая депрессия и начало долговой рецессии. Они вынудили власти проводить экономическую социальную политику перераспределения доходов. Стремительный рост экономики в глобальном масштабе ослабил важность богатств, передающихся по наследству, и привел к образованию многочисленного среднего класса.

На пике этой золотой эры американский экономист Саймон Кузнец, разработавший методику расчета ВВП, выдвинул теорию, что по мере прохождения стран через разные стадии развития, доходы домохозяйств, т.е. семей, будут выравниваться. Пикетти доказывает, что всё обстоит наоборот и эта теория придумана американцами и европейцами для развивающихся стран. Как только инфляция и рост населения в развитом мире в семидесятые годы прошлого века начали замедляться, экономическое развитие вернулось к привычным темпам. Вместе с ними вернулась и природная склонность капитализма к неравенству в доходах. Прогноз Пикетти на 21 век предполагает медленный рост и крайнее неравенство. Прогноз базируется на исторических данных и простых математических выкладках. Статистика показывает, что в более продолжительные периоды времени производительность росла со скоростью 1 – 1,5%. Рост прибыли же колебался между 4 и 5%. Всякий раз, когда в продолжительные периоды времени рост доходности капитала превышает рост производительности, усиливается и неравенство. Причина этого заключается в том, что люди, обладающие самыми высокими доходами, будут копить и вкладывать деньги в наиболее прибыльные активы. Таким образом, они могут получить доход с капитала, который позволит им забрать часть прибыли у тех, кто вынужден полагаться исключительно на заработную плату. Всего через несколько поколений такое аккумулируемое богатство становится доминирующим фактором экономики, социальной и политической структуры общества.

Капитал превратился в доминирующий фактор экономической жизни за счет того, что экономика развивается медленнее в сравнении с ростом доходности капитала. Так он подходит к простой формуле, которую называет «фундаментальным законом»: $g > r$, где g – производительность, а r – прибыль на капитал. Единственный способ избежать золотого века неравенства, который может привести в конечном счете к гибели капитализма, он видит в конфискационном налогообложении. Пикетти предлагает ввести налог на богатство в размере 2% и увеличить верхнюю ставку подоходного налога до 80%.

Лучшее – враг хорошего и можно было бы сказать, что современные финансовые инструменты не худшим образом помогают решать вопрос роста производительных сил и справедливого распределения. В особенности следует отдать должное западноевропейской системе социальной защиты, налоговой системы и пр. Т.е. можно допустить, что ничего лучшего на сегодняшний день не придумано. Во всяком случае выстраданные финансовые инструменты распределения в этих странах явно лучше тех, которые были предложены в странах коммунистического блока», когда вопрос распределения решался административной (она же –

бюрократической) системой; и они явно эффективнее тех, которые сегодня имеют место в той модели «бюрократического капитализма», который создан в России.

Признаем, что финансовая рыночная модель обладает достаточной гибкостью для решения задачи эффективного распределения благ «во имя развития человека и общества» и что в её рамках можно найти ещё лучшие решения. На сегодняшний день эти механизмы созданы на ощупь, в немалой степени, исходя из этических установок, но без должного теоретического обоснования.

Экономическая рациональность. Результативность vs стремления к прибыли

Снова вернемся к Благу, как основоположения экономического стремления к благосостоянию. «По идее» экономика служит благосостоянию. Такова функция экономики с социальной системе совместной жизнедеятельности. Но образуя подсистему общества, имея характер особого института со своими собственными законами воспроизводства – экономика, почти неизбежно, начинает ориентироваться на «собственный код воспроизводства» (Н.Луман), феноменальным выражением которого являются *деньги*. Деньги – код экономической системы. Ориентируясь на собственный код – экономика начинает заботиться не о благосостоянии общества, но о зарабатывании денег. Подчеркнем, что это происходит не в силу корысти экономических агентов, но такова естественная эволюция (тенденция) любой самореферентной системы: когда забота о собственном воспроизводстве начинает перевешивать значение её функции в объемлющей системе. Целиком освободится от своих обязательств перед обществом экономика, конечно, не может, но в своем стремлении к самореференции (автономии) она доходит до предела. Таким пределом становится извлечение массовой прибыли не из производства, но из обращения самих денег. Сегодня мы это и наблюдаем на виртуальных финансовых рынках.

Хотя эта тенденция имеет закономерный (объективный) характер, но она особым образом сказывается на сознании экономических агентов (субъектов). Эти агенты начинают искренне считать, что извлечение прибыли из обращения денег – это и есть *Благо*, как для экономики, так и для общества. Такое *болезненное* превращение сознания агента, по аналогии с тем, что Маркс называл «товарным фетишизмом», можно назвать «монетарным фетишизмом». Этой «болезнью» сознания поневоле страдают банковские работники ровно в той мере, в которой банки основную прибыль получают из обращения денег.

Смысл экономики по своему функциональному предназначению в социальной системе состоит в том, чтобы ориентировать производство на

результативность. Результативность в экономическом смысле означает, что результат производства больше его издержек. И это превышение надо суметь посчитать. Прибыль – это результативность достигнутая частным производством. Проблема (во многом техническая) состоит в том, что конечный результат общественного производства не всегда равен сумме прибылей отдельных производств. Результат работы системы не аддитивен относительно работы её элементов.

Распределения блага как проблема собственности

Собственность – это субстантивация особого модуса отношения субъекта к Миру, которое мы обычно именуем «моё» (наше, своё). Глубочайший экзистенциальный смысл собственности задан отношением своё-чужое.

Может ли быть человек без вещей ему принадлежащих? Это и есть вопрос о собственности. Поставленный философски, он обозначает особое отношение между разумным субъектом и любым внешним для него объектом. Собственность – предполагает право субъекта присваивать по своему усмотрению такого рода объекты. Здесь не было бы особой проблемы, если бы права субъектов не пересекались и не вступали бы в конфликт.

Острые проблемы находятся именно в сфере экономических отношений. Как в условиях разделения труда установить меру того, что принадлежит тому или иному участнику совместного производства? Проблема собственности (присвоения) находится в способе распределения блага, точнее – это та же самая проблема. Здесь находится «острие проблемы», но не её начало.

Начало (архе) проблемы корениться в изначальности экзистенциальной ситуации человеческого бытия, ибо быть человеком означает *вы-ступать* (экзистировать) *изнутри* – *наружу*. (Например – выражать в языке свою мысль). В деятельностный парадигме такое выступание называется *опредмечиванием*. Человек, совершая действия, окружает себя своими произведениями, которые он вправе (как их творец) считать своей собственностью. Будь человек один – никто бы не стал претендовать на его произведения. Но человек экзистировал коллективно и потому вопрос о распределении созданного блага – возникает неизбежно.

Еще киники и стоики заметили, что собственность (вещи, человеку принадлежащие) отягощает человека. Он вынужден переносить заботу о себе, на заботу о вещах⁶. Они же заострили проблему отношения человека

⁶ Знаменитому Диогену принадлежит не менее известная киническая формула: «Всё своё ношу с собой». Об этом же заботился Сократ, приставая к людям с требованием: «Позаботься о себе!» (В смысле – подумай о своей душе).

(субъекта) к своему телу. Является ли человек собственником своего тела в том же смысле, как он может быть собственником своих творений? Право собственности человека на его тело – далеко не очевидно. Именно по причине того, что не он его создатель. В каком смысле один субъект имеет право пользоваться телами других людей? Эти вопросы выходят за рамки философии экономики – имеют глубокий метафизический смысл и должны обсуждаться отдельно.

Будем считать важным для современной экономики только те отношения собственности, которые возникают в процессе производства благ и производные от них – права собственности на природные блага (земля, недра, водные пространства и пр.).

В современном гражданском праве, которое выделяет частную, муниципальную и государственную собственность, вопрос о собственности ставится «на голову»: оно считает распределение производным от характера собственности, тогда как генетически всё обстоит наоборот. Маркс был прав, когда предлагал не путать отношения собственности с их юридическим выражением. (Сегодня мы вынуждены констатировать, что юридические нормы плохо отражают и потому искажают экономическую логику распределения).

Обмен и распределение благ

Обдумаем соотношение понятий *обмена* и *распределения* с точки зрения их фундаментальности для характеристики экономических отношений. При философской работе с понятиями мы всегда имеем в виду принципиальную неопределенность смысловых границ всех употребляемых слов. Эта «неопределенность» - важнейшее свойство естественного человеческого языка, позволяющее устанавливать синонимичные ряды, использовать метафоры и аллегории. Нет правила, которое бы запрещало использовать слово в особом (контекстном или авторском) значении. Единственное к чему следует стремиться – к адекватному пониманию того, что говорящий имеет в виду.

Если от понятий (слов) требуется определенность, то только в плане ясности различения. Мы можем требовать от теоретика (от обычного человека это требовать бесполезно), чтобы он используя термины с близким значением, указал, какого рода смысловое различие имеет в виду.

Некоторые экономисты видят в обмене существо экономических отношений, в их отличии от технологических⁷. Они ориентируются на типовую экономическую ситуацию рыночного обмена: товар-деньги-

⁷ Это, например, Мизес (См., Мизес Людвиг фон. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000.).

товар. Ничего более наглядного представить невозможно. Очевидно, что процесс труда (землепашца – например) можно назвать обменом с природой – лишь метафорически. Между тем – обмен – существо любого институционального отношения, т.е. отношения, опосредованного различием мест в институциональной диспозиции. Как ясно показывает социологическая теория обмена (Дж.Хоманс, П.Блау) именно такого рода социальное отношение характеризует властные отношения доминирования-подчинения.

В качестве показательной позиции: «Политика есть сложная система обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных. На рынке люди меняют яблоки на апельсины, а в политике — соглашаются платить налоги в обмен на блага, необходимые всем и каждому: от местной пожарной охраны до суда»⁸.

Обмен – общая категория для политики и экономики, того, что Ю.Хабермас называет *системой* – в отличие от жизненного мира. Экономический аспект социального обмена состоит в том, что его моделью является распределение материальных (делимых) благ.

Проблема делимости блага

Классическая рыночная экономики в основном имела дела с общественным продуктом, который допускал своего деления на части. Когда Маркс сформулировал основное противоречие капиталистической формации, то фактически сказал нечто большее, чем имел в виду. Он угадал, что по мере развития производительных сил будут возникать такие общественные блага, которые не допускают своего деления на части (соотв. частного присвоения) как это происходит при распределении еды, одежды, угля (это те примеры, которыми оперирует Маркс в «Капитале»). Такими благами сегодня становятся знания, экологические условия проживания людей, безопасность. Эти блага неделимы, но на их воспроизводство сегодня затрачивается значительная часть трудовых и прочих ресурсов. Мысля и действуя в классической вещественной модели экономики, эти блага пытаются упаковать в её узкие рамки. Оценим те усилия, которые затрачиваются на упаковку знаний в формат интеллектуальной собственности, благодаря чему знание, как совокупное благо и достояние всего общества, отчетливо тормозится в своем применении «на общее благо».

⁸ Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. [Нобелевская лекция 1986 г.]. Вопросы экономики, 1994, № 6, с.108.

Но вопрос распределения таких благ – не снимается. Они по факту как то распределяются, но уже не среди индивидов, но среди стран и регионов. Прямой эффект – неконтролируемая миграция людей в зоны с лучшей экологией, лучшей безопасностью, лучшим образованием или условиями для научной деятельности («миграция умов»).

Второй эффект – связанный со становлением «экономики, основанной на знании» - состоит в том, что любая попытка частного присвоения знания приводит к его деградации в информацию. Знание – сущностно неделимо по своей эпистемологической системной природе. («Если мы будем знать всё об одном предмете – мы будем знать Всё!»). Попытка выделить и присвоить себе эпистемологический регион приводит к тому, выделенный фрагмент становится практически бесполезным. (Аналогия. Пусть некто предъявил права собственности и вынул деталь механизма: права собственности обеспечены, но механизм не работает).

Некоторые блага не просто становятся общественными – они приобретают статус глобальных. Как таковые, они становятся технически неделимыми и их неделимость порождает апории экономических расчетов. В этом – особое противоречие эпохи. Производительные силы – производят услуги, с которыми производственные отношения не знают что делать.

Труд и Стоимость

Стоимость – экзистенциальное понятие. Экономически смысл этого понятия проясняется тогда, когда мы выводим его из универсальной ситуации человека. Дело в том, что подразумеваемый этим понятием смысл далеко выходит за рамки экономических отношений и отсылает нас к фундаментальному условию человеческого бытия – его временности или конечности. Классическая политэкономия, поскольку она опиралась на этику, хотя и не вполне отчетливо, но имела это в виду. Об этом свидетельствует трудовая теория стоимости. Труд – это процесс затраты конечной человеческой жизни для получения жизненно важного продукта. Как таковой продукт имеет свою стоимость в виде времени (доли конечной жизни) затрачиваемой на его производство.

В самом общем смысле – стоимость – это овеществленное время жизни. То, на что человек потратил своё ограниченное время жизни – имеет свою стоимость. Вопрос к стоимости: какую долю своего ограниченного времени жизни (времени как основного жизненного ресурса!) я потратил на

Для современного человека труд (или время труда) является едва ли не преимущественной точкой отсчета всей остальной жизни. Естественно ожидать, что такое положение сложилось вместе с

обществом, основанном на труде и обмене его продуктами, т.е. вместе с буржуазным обществом.

Понятие труда

Следует оценить выдающуюся роль А.Смита, который ввел понятие труда в область размышления [1]. Идея меры труда как меры стоимости вещей, меры обмена, как то, с чем должны соотноситься все потребности человека – это то, что придает тематическое звучание понятию труда. Быть может самое важное экзистенциальное следствие перемещения труда в центр общественной жизни состоит в том, что Время не только по существу, но и феноменально (на уровне сущего) становится субстанцией человеческой жизни, поскольку именно время является мерой затрат труда. Поэтому экзистенциальное значение темы труда состоит в кардинальном изменении отношения человека ко Времени жизни.

Заслуга Д.Рикардо состоит в том, что он еще более решительно установил зависимость товарного обращения от производства. Труд у него уже не просто мера стоимости (как у Смита) - стоимость начинает пониматься как результат труда. Рикардо также впервые категориально разграничил труд, предлагаемый рабочими к обмену и труд, создающий полезные продукты - то, что в последствии Маркс назвал абстрактным и конкретным трудом.

К.Маркс окончательно фундировал социальную систему идеей труда как исторически - чему соответствует трудовая теория антропогенеза и концепция социально-экономических формаций, так и структурно - полагая экономические процессы реальным базисом общества, с соответствующей этому базису надстройкой.

Социальную философию Маркса можно считать первой и, пожалуй, единственной категориально завершенной философией труда.

Марксистская социально-философская традиция в целом придерживалась трудовой ориентации, хотя по объективным причинам категориальное единство этой теории все более размывалось - размывалось по мере того, как труд (в его физической наглядности) *переставал* быть реальной основой социальной системы. Эволюция социальной философии труда шла двумя путями. Первый путь - расширение онтологического смысла идеи труда (Д.Лукач), второй - через отрицание первоначального отождествления категорий труда и практики к расширительному толкованию идеи Практики. В этой форме идеи марксизма вошли в современную западноевропейскую философию: в структурализм, в психоанализ (фрейд-марксизм), в экзистенциализм, воплотились в социально-философские идеи Франкфуртской школы.

В современном обществе происходит явное изменение социальной роли и характера труда, и как бы не трактовалось это изменение: как первый признак "смерти труда" или как революция в труде, - данное изменение придает новый импульс тематическому оформлению проблемы труда.

Труд есть некоторый процесс, имеющий место между человеком (обществом) и природой - с одной стороны, и процесс, совершаемый между людьми - с другой. Проблема онтологии труда, как его смысла, охватывает оба аспекта. Взаимодействие человека и природы выходит за рамки социального бытия - является почвой, на которой строится социальное здание.

На первом этапе для продуктивного обмена человека и природы характерен собственно вещественный обмен (присваивающее и аргопромышленное производящее хозяйство);

На втором - к нему добавляется и становится все более значимым энергетическое взаимодействие (индустриальное хозяйство);

На третьем - информационное взаимодействие (постиндустриальное хозяйство или информационное общество).

Вещество, энергия, информация - три составляющих сущего (природы), которые последовательно становятся доминирующими факторами этого взаимодействия.

Социальное обустройство человека на Земле находится в специфической зависимости от стадии взаимодействия общества и природы. Главный вопрос состоит в том, как соотносятся между собой природная необходимость и социальная вариативность (свобода) тех форм организации сообщества, которые избирает человечество.

Прямой зависимости между природной средой и характером труда нет прежде всего потому, что каждая природная ситуация допускает как минимум два - и диаметрально противоположных - хода. Путь интенсификации или роста сложности самоорганизации общества - один путь и экстенсивный путь - путь более широкого вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов. Как правило, последний путь ведет к снижению уровня сложности социальной организации. Казалось бы, что первый ход заведомо более эффективен. На деле - сложноорганизованное общество более уязвимо, чем слабо организованное. (Критерий сложности - количество подсистем и иерархий). Ситуация еще более усложняется, поскольку всемирная история не дает нам примеров чистого пути "роста самоорганизации", но имеет вид борьбы обществ разного уровня организации. В каждом случае результат будет своеобразный.

Чем определяется выбор экстенсивного или интенсивного пути? Фундаментально - характером духовных ориентиров: исповедуемыми

ценностями, религией, идеологией. В любом варианте, если общество более или менее длительно существует, то это означает, что между природно-социальным взаимодействием (трудом) и идеологией имеет место адекватность. (Этот подход соответствует методологии "социоестественной истории" [2])

Для современного типа хозяйства возникло еще одно ограничение: видимые границы природных ресурсов. Это и определяет остроту экологической проблемы. Можно делать вывод о том, что сегодня экстенсивный вариант развития любого сообщества становится почти невозможным.

Именно потому, что человек трудится, он **хозяйствует** на Земле. Тип хозяйства это и есть в точном смысле способ взаимодействия сообщества как целого с природой. Хотя хозяйство основано на труде, но почти никогда не определяется целесообразностью (полезностью) как принципом труда. Вопрос о том, что и как производит человек, определяется господствующей социальной силой эпохи.

А) Труд и жизнедеятельность

(Труд как измерение жизни)

В первом приближении может показаться, что труд есть некоторая особенная деятельность, поскольку мы уверенно называем некоторые виды деятельности трудом. Наша уверенность будет снижаться в той мере, как мы начнем просматривать самые разные виды деятельности: учебу, вытесывание скульптур из камня, пение, политическую деятельность, составление проектов, изобретательство, постановку эксперимента и пр. Оказывается, что ни один из признаков *diferencia spēcifica* не может быть распространен на все многообразие того, что обозначается как труд.

Можно попытаться получить определение через отрицание, через установление внешних границ этого явления. Здесь тоже первоначально все может показаться очевидным. Не-труд - это отдых или игра. Но тогда в сферу труда попадают многие деятельности, которые обычно трудом не называются (учеба, речевое общение, военные действия и пр.)

Предпринятая попытка категориального определения (через логику суждений) одного из основополагающих феноменов жизненного мира - показательна. Такого рода феномены не схватываются рас-суждением, предмет суждения не поддается классификации и типологизации. Оказывается, что любой классифицирующий признак может быть отнесен к предмету лишь "в определенной мере". Такого рода феномены

схватываются только в философской логике размышления как *экзистенциалы* человеческого бытия.

В силу того, что труд - основополагающее понятие экономической науки - не может быть определен средствами самой этой науки, в ней возникают существенные эпистемологические трудности. Эти трудности ярко выражаются в современной "экономикс" тем, что она перестала работать с понятием труда, фактически даже перестала его упоминать, и в том, что многие производительные виды деятельности (в особенности связанные с производством нового знания), не получают адекватного экономического измерения.

В отличие от суждения, которое опирается на представление (на то, что "стоит перед нами") или на "имеющееся в виду" (Отсюда, вопрос, что вы имеете в виду, говоря о том-то, - близок научному, а не философскому видению мира). Размышление спрашивает не о том, что имеется в виду, а что под-разумевает Язык, допуская те или иные высказывания.

Чрезвычайно показательно, что по крайней мере все европейские языки под-разумевают под трудом одно и то же: **труд это то, что трудно.**

Во французском слово "*travail*" в первоначальном смысле означало "пытка" и еще в XVII веке употреблялось в значении "усталость", "страдание" и даже "унижение" [3]. *Labor* (лат.и англ.), *arbeit* (нем.) и *ponos* (греч.) первоначально обозначали нужду, мучение, бедствие [4].

Смысловая связь между пониманием труда и страданием, заботой далеко не случайна. Когда современные теоретики говорят о конце трудовой эпохи, утверждают, что современное производство больше представляет собой общение, то тем самым также схватывают вот этот первичный смысл: труд есть процесс, в котором человек изнуряет себя, который требует последующего восстановления сил. Именно поэтому мы не склонны называть учебу трудом, не покрывается этим понятием творческая деятельность (писать стихи не труд и т.д.).

Таким образом, можно сказать, что в принципе любая деятельность является трудом, если она *с трудом* совершается, требует от человека сознательного волевого усилия. Мы могли бы построить типологический ряд из различных форм деятельности, на одном конце которого самые трудные формы активности, а на другом - самые легкие.

С точки зрения того, что под-разумевает слово "труд" - труд не столько деятельность, сколько момент деятельности, **позиция особой человеческой активности.**

Опять-таки язык прав, называя некоторые деятельности "трудом *par excellence*", поскольку эти деятельности ничего иного, кроме усталости и страдания для человека не несут. Понятно и то, почему труд как особая деятельность был категориально вычленен вместе со становлением буржуазного общества. Ведь его эпоха начиналась с

господства **простого труда** - наемной, расчлененной, отчужденной деятельности. "В простой" деятельности трудовая позиция представлена феноменально, что позволяет логически корректно отождествить эту позицию с особенной редуцированной деятельностью.

Производительная деятельность мастера, ремесленника, мелкого собственника в доиндустриальную эпоху и современные виды работ, связанные с включенностью в коммуникативные системы, в постиндустриальном или информационном обществе - не позволяют столь однозначно трактовать такую деятельность только как труд. Поскольку работа все более требует квалификации, образования, ответственности, творчества, сотрудничества - она все менее остается трудом. В этой тенденции и заключена истина: *есть многомерный акт жизни, человек прежде всего живет и лишь в рамках жизни трудится*; если буржуазная эпоха стремилась к тому, чтобы выделить труд из жизни, то современная эпоха демонстрирует обратную тенденции: растворить труд в жизни; трудовое усилие уже не способно дать должный полезный эффект, если оно отделено от остальных смыслообразующих элементов жизни.

В вышеобозначенной тенденции находится ключ к пониманию многих современных общественных процессов.

Б) Труд и время

Трудовая позиция изменяет (или предполагает специфичность) отношения человека к Времени жизни, требует это время считать и рассчитывать. То, что труд измеряется временем - это хорошо известно из классической политэкономии, но онтологический смысл этого отношения остается непроясненным. До сих пор философская проблематика Временности, (в экзистенциально-феноменологической традиции) существует параллельно проблематике труда. Между тем, достаточно хорошо установлено, с какими фундаментальными экзистенциальными изменениями в отношении жизни связано наступление экономической эпохи труда. Трудовая деятельность разворачивается в ситуации "редкости благ", а потому - перед лицом угрозы смерти.

Время как бытийная субстанция сознательной жизни представлено как её дление, не имеющее однозначного членения на прошлое, настоящее и будущее. Уже отмечалось, что Бытие как Время, скорее всего, представлено для нас в чистом континууме сознания. Разрыв континуальности времени, его инструментальное (с помощью часов) расчленение на модальности есть необходимое условие труда. Более того, позиция труда - единственная в жизни позиция, требующая такого

расчленения, поскольку она **единственная**, в которой человек ощущает себя **затрачивающим** время, а не живущим в нем.

Таким образом, **труд это позиция человеческой активности, в измерении которой происходит затрата жизни-времени**. Из того, что такая позиция имманентна человеческому бытию, не следует, что она всегда является преимущественной точкой отсчета. Эта позиция и становится особой деятельностью тогда, когда приобретает смыслообразующий характер (становится центром смыслообразования). Для этого нужны определенные социально-исторические условия. Это, прежде всего, развернутая система социального разделения труда (а точнее - продуктивной деятельности), приобретение деятельностью частичного и отчужденного характера.

В) Труд и стоимость

Затраты труда это затраты жизни-времени ради какого-то полезного результата (продукта). Вот почему этот продукт имеет стоимость. То, что на стороне труда существует в виде живой активности, то на стороне стоимости существует в виде опредмеченного (овеществленного) результата. Именно из этого отношения вытекает, что труд сам по себе стоимости не имеет, что к нему неприменима эта мера, как она не применима к жизни и природе. (Смит и Рикардо еще полагали, что труд имеет стоимость, может быть предъявлен как товар, и действительным открытием Маркса было установление того, что стоимость труда есть только превращенная форма стоимости рабочей силы).

Стоимость есть проекция экзистенциального (феноменального) времени в пространство труда. Эта проекция становится осью симметрии всех пропорций обмена. Размерность или масштаб экзистенциального времени задан такой единицей, как Единственная человеческая жизнь. И если посмотреть, как человек (если он об этом заботится) оценивает, "что ему стоит тот или иной результат", то можно заметить, - происходит эта оценка в "частях его жизни". Вопрос можно было бы сформулировать следующим образом: "Какую долю своей жизни я затратил на этот результат в сравнении с другими результатами? Стоит ли он того?" Условие внутренней эквивалентности результатов есть условие сохранения жизни. Точно также человек ориентируется в процессах культурного обмена, одаривания и т.п. Теоретически можно определить в размерности экзистенциального обмена (как ресурса, которым располагает та или иная общность) стоимость любого результата: стоимость войны, великого произведения искусства, великого открытия и т.п.

Мера стоимости в принципе применима к любому продукту человеческой деятельности, но применима именно в меру трудового характера этой деятельности. Так, произведение искусства, знание или открытие имеют стоимость, поскольку на их производство затрачено рабочее время, но социальная значимость этих произведений (косвенно представленная их ценой в денежном выражении) не может быть адекватна стоимости. Только продукты простого труда, т.е. деятельности, из которой вынута творческое содержание, могут быть более или менее адекватно измерены мерой стоимости, а ценовые пропорции обмена таких продуктов могут быть более или менее точно измерены пропорциями производства (пропорциями затрат труда).

Сказанное позволяет понять, почему современные монетарные теории не обращаются к понятию стоимости, но рассматривают в основном сферу обращения, спроса и предложения в чисто ценовых пропорциях - ведь на современном рынке преобладают наукоемкие продукты или продукты, имеющие особый социальный статус значимости - например модные и престижные товары. ("Трагедия" современного рынка в том и состоит, что на нем появляются продукты разного рода творческих увлечений, где обмен происходит из совсем иных соображений, чем обмен "сюртуков на пшеницу" - излюбленный пример Маркса в "Капитале"). В целом современную экономическую ситуацию характеризуют *сервисным сдвигом*, когда до 75% ВВП существует в форме *услуг*[5], а не вещей. Услуга же это такой полезный продукт, из которого в принципе нельзя изъять его нетрудовое содержание, т.е. личное отношение к результату деятельности как своему собственному производству.

В то же время возможности стоимостного (трудового) измерения современного производства еще совсем не исчерпаны. Временные ограничения становятся более "мягкими" для современного работника, но более жесткими для общества и человечества. Сегодня государства вынуждены затрачивать свои трудовые ресурсы на такие дела, как природоохранные мероприятия, военные конфликты, борьбу с катастрофами и пр., т.е. это такого рода "блага" и "продукты", которые хотя и требуют колоссальных трудозатрат, но не имеют непосредственной рыночной стоимости.

Для общества в целом - мера стоимости представлена сегодня в виде негативного фактора угрозы жизни. Для социальной системы объективно не важно, насколько данная деятельность является игрой, учебой или творчеством - для неё существенно, какую долю совокупного временного ресурса эта деятельность отнимает. Если этот подход не используется в рамках политической воли государства, то потому, что никто не знает, как непосредственно проводить стоимостные расчеты (как устанавливать пропорции производства) - ведь использование классических ценовых пропорций уже невозможно. Не разворачивая

этой проблемы, только отметим, что выход состоит в измерении стоимости в масштабе единицы человеческой жизни. Основным вопросом будет состоять в установлении того, какую долю жизни или сколько единиц жизни отнимает тот или иной полезный для общества результат.

Г) Труд и игра

Понятие труда приобретет большую смысловую определенность, если мы рассмотрим его в рамках оппозиционного понятия, к которому относится - игра. Игра и труд оппозиционны в своей динамике. Главное, что отличает труд от игры состоит в том, что в игре человека интересует сам процесс, в труде - результат. Важно, однако, видеть, что это различие "по преимуществу": любой реальный акт человеческой жизнедеятельности (не считая крайне редуцированных случаев) является "всем" одновременно. Вот почему можно было бы сказать, что жизнедеятельность является трудом лишь в одном измерении: в той мере и постольку человеку важен результат. Во имя этого результата человек забывает о самой деятельности. Критерием важности результата является время, отнятое у жизни, и, следовательно, возможность оценить затраты труда, т.е. стоимость. Там, где мы наблюдаем себя затрачивающими силы и время, мы и находимся в труде и говорим - это "стоит труда". Силы и время затрачиваются там и тогда, когда наша деятельность частична.

В игре мы иначе относимся ко времени, чем в труде. Время *имманентно* игре, тогда как труду оно *трансцендентно*. Именно поэтому время не может выступать масштабом измерения игры: игра идет, пока играется.

Труд есть целеполагающая деятельность, т.е. этот процесс возможен только тогда, когда перед субъектом стоит цель. Здесь даже не важно, является ли этой целью полезный результат или получение зарплаты. Целевая установка есть и в игре - выиграть. Но важно, что в труде цель опосредована, вынесена вовне самого процесса.

Труд есть опосредующая деятельность. Это есть процесс, совершаемый ради другого процесса. Как таковой он есть акт самоотдачи.

Таким образом, продуктивная жизнедеятельность представляет собой процесс труда лишь в одном измерении: в измерении своей частичности. Труд есть то в деятельности, что служит идее целого или просто иному.

Разделение труда

Рассмотрим теперь тот социальный механизм, который редуцирует жизнедеятельность к труду: облакает одну из позиций жизни в плоть деятельности. Таким механизмом прежде всего является социальное разделение труда. Возможность подобного расчленения содержится в самой жизнедеятельности в форме её имманентного времени. Субъект, пребывающий во временном континууме своей Жизни, не вычленяет отдельные операции, акты, действия. Так, в норме, когда сознательный акт жизни целиком осмыслен, мы не видим этот акт как последовательность каких-то операций (произнесение слова не состоит для нас из последовательности отдельных звуков). Содержательная или смысловая сторона Времени заслоняет для нас формальную временную структуру.

Но с точки зрения внешнего наблюдателя (а им может стать сам субъект жизнедеятельности при особых условиях) деятельность именно состоит из временной последовательности действий или операций и это трансцендентное для Жизни время может быть легко преобразовано в пространственную структуру в виде действий многих субъектов.

Отдельное действие, утратившее *непосредственную органическую* связь со смысловым целым, выделенное в своей частичности и обособленности, согласованное во времени с другими действиями - становится трудом. Труд, поэтому, - всегда расчлененная деятельность. А разделение труда между многими людьми - только пространственное выражение деятельности, которая могла бы быть развернута как временная последовательность актов. То, что один мог бы сделать последовательно, то многие делают одновременно.

В результате расчленения деятельности обособленность (частичность) становится чертой не только продуктивной деятельности отдельного индивида, но и свойством овеществленного продукта. Только такой овеществленный продукт частичной деятельности приобретает определение стоимости. Когда Маркс отмечает, что стоимость это не вещь, а общественное отношение, то именно этот генез стоимости имеется в виду: овеществленные продукты живого труда есть только выражение и следствие особого типа социальной связи людей - разделения труда.

Таким образом, разделение труда есть овеществленное общественное отношение.

Не следует думать, что расчленение деятельности есть только негативный фактор сознательной жизни. То, что человек фактически обрекает себя на частичное существование, становится необходимым условием духовного роста личности. Этот рост личности контрастно оттеняется теми привычками, которые формируют у человека современные системы мультимедиа (multimedia). Данные системы, начиная уже с телевидения, обладают свойством вовлекать в себя человека целиком, и тот, кто привыкает к такой вовлеченности уже не

хочет работать, т.к. работа есть фрагментарная задача и не может увлечь всю личность. Но если человек целиком вовлечен в работу, то он становится клоуном, а такая работа - просто "акробатикой для специалиста" [6]. Мораль состоит в том, что человек никогда не должен быть тождественен тому, чем он занят в отдельный момент своей жизни. Частичность или расчлененность деятельности (что и обуславливает ее превращение в труд) есть условие того, что личность может стать выше общества и выше своих условий.

Поскольку каждый акт жизни по смыслу связан с другим, то это придает жизни органичность. Связь между людьми посредством разделения труда обуславливает их "органическую солидарность". Сообщества, в которых разделение труда еще не развито, должно быть названо "сегментарным"[7].

Можно указать на принципиальную границу возможности расчленения коллективной деятельности без утраты каждым участником общего дела непосредственной связи с другими. Этой границей является понимание смысла своего частного дела в контексте общего дела, его непосредственная обозримость. Таково было положение в первобытном обществе и до сих пор остается в семье. Как только общий горизонт перестает совпадать с частным, когда между операциями возникают смысловые разрывы, то возникает необходимость заполнения разрывов технологического пространства силами других пространств человеческого бытия. Главным образом появляется необходимость в лице "управляющего общественными работами" и наделенного институционализированными властными полномочиями.

Опять-таки властное управление разделением труда эффективно до определенного уровня сложности трудового процесса. Современный, связанный с преобразованием потоков информации, труд выталкивает властное начало из своей сферы (см. "Будущее труда").

Обмен и его исторические формы

Обмен как универсальная форма и необходимая сфера человеческого бытия трактуется здесь как связь людей через опредмеченные результаты их деятельности. Мы имеем отношение обмена, когда Некто, вступает в отношение к Другим:

(1) с целью получить от него нечто ценное для себя (вещь, полезную информацию, услугу),

(2) должен для этого иметь отчужденный от себя (от своей жизнедеятельности) продукт,

(3) представляющий ценность для другой стороны.

Если нет хотя бы одного из этих трех признаков, то связь будет относиться к другому пространству совместного бытия.

Во всех типах общества, кроме буржуазного, обмен никогда не выступает в чистом виде. Как правило, он выполняет саплементарную (дополнительную) роль в отношениях родства, господства или в коммуникативных структурах. Когда же в этих типах общества субъект полагает себя в диспозиции обмена (а не общения, подчинения и пр.), то смысл обмена приобретает превращенную форму в контексте господствующей силы данного сообщества.

Мы считаем возможным включить в общую композицию смыслового континуума социального бытия плодотворную идею Ж.Бодрийяра о диалектике форм обмена ["Символический обмен и смерть", 1976].

Можно выделить четыре формы обмена (и соответствующие им логики или законы стоимости):

- **символический обмен** - характерный для первобытных или традиционных обществ. Этот обмен подчиняется принципу амбивалентности (т.е. противоречию, связанному с двойственностью отношения). Примером символического обмена является обмен дарами ("потлач") или обмен женщинами между родами. Двойственность - принципиальная черта такого обмена: с одной стороны, он полагает некую вполне реальную (практическую) ценность, с другой - обозначает принадлежность сторон одной общности. Единство этих сторон выражается в их взаимообратимости: "жена символически представляет дружеских род, род представляет жену".

Бодрийяр полагает, что символический обмен есть исходная форма обмена, все остальные формы представляют собой редукцию или абстракцию этой формы. С нашей точки зрения, напротив, символический обмен есть превращенная форма, т.е. форма совместного бытия в условиях господства силы общности.

- Следующей формой является **обмен потребительскими стоимостями**, который подчиняется принципу полезности. Такого рода обмен (бартер) в чистом виде встречается довольно редко, поскольку он является побочным продуктом натурального хозяйства, когда излишки обмениваются на нужные вещи. Поскольку обмен идет по принципу "бесполезное-полезное", то его логика оказывается очень близкой "иррациональной логике" роскоши.

- **Обмен меновыми стоимостями** (товарами), т.е. продуктами, произведенными специально для обмена. Принципом меновой стоимости является эквивалентный обмен. Признак обмена меновыми стоимостями (а не потребительским) - наличие всеобщего эквивалента в виде особого товара (скота, драгоценного металла и пр.).

Именно товарный обмен представляет собой "чистую форму" обмена, а закон или принцип эквивалентности (т.е. то, что обмен происходит в соответствии с общественно-необходимыми затратами труда) представляет собой общую тенденцию любой исторической формы обмена.

- **Обмен знаковыми стоимостями**, который подчиняется логике различия. Феноменальным выражением дифференциальной логики знака является такая ситуация, когда некоторые вещи, имеющие одну и ту же потребительскую стоимость (выполняющие одну и ту же функцию), одну и ту же меновую стоимость (по затратам на их производство), тем не менее имеют различную знаковую стоимость (цену). Основания для этого могут быть следующие. Этот товар произведен более известной фирмой, является престижным, служит предметом роскоши, обладает новизной и пр.

Потребительская, меновая и знаковая стоимости, по идее Бодрийяра, относятся друг к другу последовательно как означающее к означаемому и все вместе составляют "объект" обобщенной политэкономии знака.

Любой исторический тип общества имеет ту или иную сферу обращения ценностей (стоимостей). Эта сфера и есть экономическое пространство обмена. Экономическая антропология, которая описывает пространство обмена в традиционных обществах[9], отмечает, что там в обмен вовлечены не столько продукты труда, сколько естественные ценности (которые в точном смысле еще не являются стоимостями). Этот обмен и пространство являются "экономическими" только с точки зрения будущего результата, когда внутренняя логика обмена (принцип эквивалентности) подчинит себе все социальные условия и предпосылки. Именно этот процесс и его результат составляют выдающееся содержание "Капитала" К.Маркса.

Для современной эпохи чрезвычайно важным является исследование и понимание того, как происходит распад смыслового континуума экономического пространства обмена. Сегодня мы наблюдаем, что сами по себе товарно-денежные отношения не способны обеспечить непрерывность товарного обращения: прежде всего в силу специфики господствующего товара - услуги. Здесь и обнаруживается фундаментальная саплементарная роль разного рода знакового опосредования товарного обмена. Эту роль выполняют различные соглашения, договоры, информационные системы, электронные деньги и пр. А.Тоффлер называет эту ситуацию "Эрой смещения власти"[10], показывая, что новая экономика строится на ведущей роли систем знания.

Знания имеют знаковую форму; посредством масс-медиа и информационных систем знаки соединяются друг с другом "поверх" собственно товарного обращения, в значительной степени просто вытесняя его. (Если, например, вы владеете "*know how*", то это делает не нужным поставку соответствующего товара: проще сделать самому.)

В целом, превращенная форма современного экономического пространства остается слабо осмысленной как в методологическом плане, так и недостаточно исследованной в плане научном.

Стоимость и цена: двойственная природа пропорций обмена

Спрос и предложение, которые с точки зрения классической политэкономии случайным (стихийным) образом заставляют колебаться цены вокруг общественно-необходимых затрат труда (времени) – с точки зрения неоклассических (монетарных) теорий, являются определяющими для пропорций самого производства. В этом размежевании позиций сокрыта действительная противоположность механизмов образования пропорций производства (стоимостных пропорций) и ценовых. В каждый данный момент стоимостные пропорции выражаются в той или иной структуре *предложения* и в каждый данный момент ценовые пропорции выражают *ожидания* продавцов и покупателей. Что предлагается? Предлагается овеществленное или *прошлое время* (овеществленный труд). Что ожидается? Ожидается потребление в будущем времени. При всей зависимости структуры предложений и ожиданий (их взаимного влияния друг на друга) – принципы формирования структур различны. Вся совокупная способность к труду к моменту предложения уже овеществлена (принадлежит прошлому), структурно оформлена в виде долей рабочего времени, затраченного на производство той или иной совокупности продуктов. Вся совокупность ожиданий, по сути, есть структура потенциально распределенного будущего времени, необходимого для потребления данных продуктов.

Стоимость, таким образом, есть *символ* (символическое выражение) прошедшего времени; цена есть *знак* еще не существующего будущего образа действий. Между ними существует такое же радикальное тождество и различие как между этими модальностями времени.

Никакая попытка определить цену через стоимость или стоимость через цену не может быть успешной (различие прошедшего и наступающего – абсолютно), но и разорвать эту связь немислимо – прошедшее и наступающее принадлежат Единому Времени. Единственное, что можно сделать – использовать принцип взаимодополнительного описания (давно используемый в лучших теоретических образцах естественнонаучного и гуманитарного знания). Это означает отказаться от попытки взаимной редукции и просто стремиться к тому, чтобы количественные пропорции затрат труда в общественном масштабе примерно соответствовали количественным пропорциям цен – в этом же масштабе. Такое соответствие и будет залогом устойчивого (динамического) равновесия хозяйственной системы общества. Очевидно, что обеспечение принципа дополненности в описании и проектировании хозяйственной системы потребует как финансовых, так и государственно-административных рычагов.

